

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

Рамиль Миргасимович Валеев

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Сборник статей к 70-летию Рамиля
Миргасимовича Валеева

Издательство Арт-Экспресс
Санкт-Петербург — Казань
2025

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
П 42

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института восточных рукописей РАН

Научное издание

Р е ц е н з е н т ы :

Доктор исторических наук Р. А. Набиев
Кандидат философских наук Т. В. Ермакова

Поворот на Восток. Сб. статей к 70-летию Рамиля Миргасимовича
Валеева / Сост. Т. А. Пан. Санкт-Петербург, Арт-Экспресс, 2025. — 564 с., илл.

ISBN 978-5-4391-1035-3
DOI: 10.48612/IVRRAN/ke4v-9zxe-f3u6

Сборник посвящен 70-летию доктора исторических наук, профессора Рамиля Миргасимовича Валеева — историка, преподавателя, крупнейшего в Татарстане специалиста по истории российского востоковедения, архивов и книжных собраний. В сборник вошли статьи его коллег, посвященные истории китаистики, маньчжуроведения, истории Ближнего и Среднего Востока, музейных и книжных коллекций, биографиям и переписке известных ученых, связанных с востоковедением в Казани. Кроме того, в сборнике затронуты вопросы взаимоотношения России и Востока, включая сюжеты, касающиеся истории, культуры и науки Татарстана.

Сборник рассчитан на всех интересующихся достижениями отечественного востоковедения.

© ИВР РАН, 2025

© КФУ, 2025

ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти», 2025

© Коллектив авторов, 2025

ISBN 978-5-4391-1035-3

© Издательство «Арт-Экспресс», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление	7
<i>Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова.</i> Профессор и коллега Рамиль Миргасимович Валеев: эскиз научной биографии	19
Библиография научных и учебных работ профессора Р.М.Валеева. . . .	48
<i>В.Г. Дацышен.</i> Изучение истории Китая на Академическом этапе истории русского китаеведения	139
<i>Tatiana A. Pang.</i> The Manchu Studies in Russia in the 18 th –19 th Centuries	172
<i>Ю.Г. Благодар.</i> Роль российских печатных изданий в распространении знаний о Китае (XIX — начало XX вв.)	197
<i>И.В. Кульганек.</i> Три труда О.М. Ковалевского по монгольской филологии	218
<i>В.Л. Успенский.</i> О.М. Ковалевский о католичестве в Китае	230
<i>Д.А. Носов.</i> Столетие русского «рекогносцировочно-разведывательного» исследования Монголии: 1828–1928 гг.	243
<i>Гульджан Иналджик, Окан Ешилот.</i> Отчет Николая Федоровича Катанова о поездке в Минусинск (1896 г.)	253
<i>Hartmut Walravens.</i> Letters from Samuel Butler (1774–1839) to Julius Klaproth (1782–1835)	264
<i>И.Ф. Попова.</i> Неизданный сборник статей «Восточный Китай». Обзор содержания	273
<i>Н.А. Самойлов.</i> Русская почта в Китае и Османской империи в конце XIX — начале XX в.	290
<i>М.А. Козинцев.</i> К оценке научного наследия И.Н. Березина в советском востоковедении: очерк Б.М. Данцига	302
<i>Д.Е. Мартынов.</i> Доуве Фоккема: постмодернизм и китайская утопия	331
<i>Л.А. Сыченкова.</i> Типологические особенности крымско-татарской архитектуры в наследии российского востоковеда Б.А. Денике	350

<i>И.В. Герасимов.</i> Две арабские рукописи из наследия Ризаэтдина Фахретдинова в Архиве востоковедов ИВР РАН	379
<i>А.А. Арсланова, Н.Б. Пазина.</i> Материалы к неосуществленному каталогу персоязычных рукописей в коллекции Казанского Императорского университета (до 1855 г.) по черновикам профессора И. Ф. Готвальда (1813–1897 гг.)	392
<i>Ю.И. Дробышев.</i> Образ Чингис-хана в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина	421
<i>А.Ш. Кадырбаев.</i> Тюрки Дешт-и-Кыпчака и их взаимоотношения с соседними народами накануне монгольского нашествия	439
<i>Б.Л. Хамидуллин.</i> Казанское государство — цельная этнополитическая общность народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья XV–XVI вв.	462
<i>И.Л. Кызласов.</i> Выделение земель для манихейских монастырей и храмов (Новое прочтение седьмой строки Суджинской стелы)	490
<i>С.А. Французов.</i> Персидские глоссы у ад-Дйнаварй	522
<i>Н.Н. Дьяков.</i> Алжир: война миллиона мучеников. К 70-летию начала освободительной войны в Алжире (1954–1962)	529
<i>С.А. Кириллина, В.Е. Смирнов.</i> Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии реформы высшей школы	545
Список авторов	559

А. Ш. Кадырбаев
Институт востоковедения РАН

DOI: 10.48612/IVRRAN/kukt-tv8e-6gkt

Тюрки Дешт-и-Кыпчака и их ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ НАКАНУНЕ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Аннотация. В ряде источников содержатся сведения о внешне-политических связях кыпчаков и канглы в конце XII — начале XIII в. География этих связей была обширна, так как кыпчаки и канглы занимали огромные территории от Дуная на западе до Алтая на востоке, от лесостепной полосы Южной Сибири на севере до границ Хорезма на юге. В трудах китайских, персо-арабоязычных и тюркоязычных авторов, русских летописях, византийских, европейских, грузинских, армянских источниках приводится большое количество данных, характеризующих внешнеполитические связи кыпчаков и канглы с Грузией, Византией, Хорезмом, Центральной Европой, Центральной и Восточной Азией.

«От Никопсы до Дербента». Кыпчаки в Грузии XII–XIII вв.

На протяжении своей истории Грузия имела весьма тесные связи с различными тюркскими племенами и народами, в том числе с кыпчаками. Впервые кыпчаки упоминаются в сочинении грузинского историка Леонтия Мровели «История грузинских царей первых отцов и родственников» не позднее 60-х годов XI в. Кыпчаки упоминаются также в сочинении историка конца XI в. Джуаншера «Жизнь Вахтанга Горгасала». В 1118 г. грузинский царь Давид IV Строитель, прославленный объединитель, возглавивший борьбу христианских народов Закавказья против нашествия туркмен-сельджуков, создавших великую империю раннего средневековья Сельджукский султанат, (чьи пределы раскинулись от Центральной Азии и Индии на востоке, до Малой Азии, Месопотамии, Сирии и Египта на западе ставшего главной

силой мусульманского Востока против крестоносцев Запада, рвавшихся несколько веков к «Гробу Господню» в Иерусалиме) отправил своих послов повелителю кыпчаков предкавказских степей хану Атраку с предложением переселиться его подданным в Грузию и служить грузинскому престолу. Согласно сведениям грузинских источников с Атраком пришло 40 тысяч кыпчаков, в том числе 5 тысяч отборных воинов. Грузинские ученые полагают, что в грузинской летописи указано только число кыпчакских воинов, вместе же с семьями их было 230–240 тысяч. Давид Строитель наделил их землями для поселения на восточных и юго-восточных рубежах страны. Эти территории по своим природным условиям были пригодны для ведения кочевого хозяйства, а кроме того, они образовывали своеобразный барьер для прикрытия от врага подступов к центральным районам грузинского государства в наиболее уязвимых местах. 5 тысяч отборных кыпчакских воинов сформировали личную гвардию грузинского государя¹.

Начиная с этого времени, кыпчаки стали играть важную роль в военной организации Грузинского царства, во всяком случае, ни один поход в последующие годы жизни Давида IV не обходился без их участия. Кыпчаки громили туркмен-сельджуков в Дидгорских горах в 1123 г., где из 56 тысяч войск Давида IV, кыпчаков насчитывалось 15 тысяч; участвовали во взятии Тбилиси в 1122 г. и походе на Ширван в 1123 г. Как и все умные и деятельные правители, Давид Строитель использовал военную силу кыпчаков не только в борьбе с внешними врагами, но и внутренними — грузинскими владетелями, выступавшими против политики централизации. Хан Атрак стал влиятельной особой при дворе Давида IV. Его влияние опиралось не только на силу кыпчакских воинов, но и на родственные отношения с грузинским царем. Последний выдал за него свою дочь Гурандухт. Кыпчаки были скорее союзниками, нежели вассалами грузинского царя. После смерти Давида Строителя в 1125 г. значительная часть кыпчаков

¹ Анчабадзе З.В. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. / Сб. МНСПБКН. Нальчик, 1960. С. 115–117, 125.

во главе с Атраком вернулась в родные степи. Летопись сохранила поэтический рассказ о возвращении Атрака и последовавшими за этим событиями. Брат Атрака Сырчан отправил своего любимого степного певца-импровизатора Орева и просил брата вернуться в родные степи: «Воротится, брате, поиде в землю свою». Не исключая, что Атрак может и не захотеть «своей земли», Сырчан приказал Ореву: «Пои же песнь половецки... дни ему поухати зелья имени евшан (жусан, вид степной травы)». Песни должны были напомнить Атраку о воинской славе, а евшан — запах детства и юности, прошедших в богатых степных просторах. И в самом деле, Атраку, несмотря на ностальгию после прослушанных песен, все же не хотелось уезжать от роскошной жизни в ореоле воинской славы при грузинском дворе. Он колебался и отказывался. И только тогда передал ему Орев траву евшан, понюхав которую, Атрак воскликнул: «Лучше есть на своей земле костью лечи, нали на чуже славу быти!».

Так случилось, и в конце 20-х годов XII в. Атрак вновь откочевал в родные степи, на земли предков. Думается, не все кыпчаки вернулись с ним. Факт, что много кыпчаков осталось в Грузии, подтверждается сообщением грузинских летописей. Грузино-кыпчакские связи не ослабевали и при преемниках Давида IV. Переселение кыпчаков в Грузию продолжалось. В годы правления Георгия III (1156–1184 гг.) были переселены десятки тысяч кыпчаков. Интересно отметить, что в период правления царицы Тамары (1184–1213 гг.), самой знаменитой и почитаемой из царей и цариц за все время грузинской истории, раздвинувшей владения своего государства «от Никопсы до Дербента», в Грузии существовал термин «новые кыпчаки». Так называли новых пришельцев из Дешти-Кыпчака в отличие от потомков, переселившихся при Давиде IV кыпчакских воинов, «многие из которых уже именовались “на-кыпчакара”», т.е. «бывшие кыпчаки». Грузинская летопись сообщает о брате «кыпчакского царя» на службе у царицы Тамары. Это был, несомненно, один из членов семьи Атрака, возможно, судя по возрасту, его сын. Есть данные грузинских источников о многочисленных кыпчакских отрядах в войсках Георгия III и Тамары. К тому же супругой Георгия III

и матерью Тамары была рано умершая красавица Бурдухан, дочь половецкого хана. Во время Георгия III одним из ближайших доверенных лиц царя был кыпчак Кубасар, назначенный на пост амирспасалара — главнокомандующего войсками Грузинского царства. Кубасар сохранял свое положение и при царице Тамаре в начале ее царствования, но затем был смещен из-за интриг при грузинском дворе².

И в начале XIII в. в эпоху монгольского нашествия кыпчаки находились на грузинской службе. В 20-х годах XIII в., последний хорезмшах Джалал-ад-Дин Манкбурны, преследуемый полководцами Чингиз-хана, после долгих скитаний направился в Грузию. Это обеспокоило правителей Грузии, Армении, государства сельджуков в Сирии, опасавшихся, что хорезмшах проникнет и в пределы их государства. Тогда они заключили союз, чтобы разбить хорезмийцев совместными усилиями. Основная тяжесть этой войны пала на Грузинское царство, в войсках которого служили и кыпчаки. Персидский историк XIII в. Рашид-ад-Дин пишет, что перед сражением Джалал-ад-Дин решил взглянуть на войска врагов. Он «выехал на холм и увидел знамена кыпчаков с 20 тысячами людей». Джалал-ад-Дин отправил своего сподвижника, возможно кыпчака, Кушкара с подарками к предводителю кыпчаков с целью уговорить их покинуть поле боя и не проливать кровь своих соплеменников, составлявших значительную часть армии хорезмшаха. Этот маневр увенчался успехом, кыпчаки отошли в сторону и войска грузин и их союзников, принявшие бой с Джалал-ад-Дином, были разгромлены³.

В XII–XIII вв. грузины и кыпчаки встречались на полях сражений не только как союзники, но и как враги. Так, много кыпчаков служило в войсках воевавших с Грузией атабеков Южного Азербайджана, Гянджи, эмиров Дербента. Об этом красноречиво свидетельствует армянский историк XIII в. Киракос Гаццзакеци: «Когда минуло некоторое время, поднялись другие войска из

² Полное собрание сочинений русских летописей. М., 1962. С. 716; Можейко И. В. 1185 год. М., 1989. С. 283–290.

³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2, М.; Л., 1952. С. 28.

гуннов, которых называют кыпчаками, и явились в Грузию к царю Лаша (Георгию) и азарапету Иванэ, чтобы последние выделили им место для поселения, а они (кыпчаки) служили бы им верою. Но они (царь и Иванэ) не согласились дать им пристанище.

Тогда они ушли (оттуда) и обратились к жителям города Ганздак (Гянджа). Те охотно приняли их, ибо их очень притесняли грузинские войска, разорявшие их страну к угонявшие в плен людей и скот. Предоставили им место для поселения в окрестностях города, помогли им продовольствием и питьем, надеясь с их помощью противостоять царству грузинскому. А войско гуннов обосновалось там и обрело покой.

Тогда Иванэ собрал войско, и кичась, выступил против них, он спесиво грозился стереть их город с лица земли и полагался на силу своего войска, а не на бога, который дарует победу, кому желает. Когда они сошлись, варвары спокойно вышли из своего логова и предали мечу усталое и отчаявшееся грузинское войско; многие были взяты и плен, остальные обратились в бегство. В этот день христианское войско понесло великое поражение, и бог покинул их, доходило до того, что какой-нибудь никудышный человек гнал перед собой множество храбрых и прославившихся в боях мужей, подобно пастуху, погоняющему стадо, ибо господь отказался покровительствовать их оружию и отрекся от них в бою. (Кыпчаки) приводили знатных мужей и обменивали их на пустячную одежду и съестные припасы...»⁴.

В XI — начале XIII в. кыпчаки проживали и на территории современного Азербайджана, где они, видимо, появились и в качестве пленных, из которых правители туркмен-сельджуков формировали гвардию гулямов, воинов-рабов. К их числу относился Шамс-ад-Дин Ильдигиз, кыпчак по происхождению, основатель династия Ильдигизидов в Азербайджане. Ильдигиз служил в гвардии гулямов правителей султаната Сельджукидов. Он привлек внимание сельджукской знати своей необычайной храбростью и был взят на службу ко дворцу хана Масуда, у которого пользовался большим доверием. В 1146 г. Ильдигиз

⁴ Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976. С. 139.

становится сельджукским наместником в Иране в Азербайджане, провинциях, находившихся тогда под властью Сельджукидов. Спустя полвека, после падения династии Сельджукидов в Иране, потомки Ильдигиза — сын Джахан Пехлеван и внук Узбек сохранили эти земли в своем владении. Династия Ильдигизидов в Азербайджане просуществовала до 1225 г., столицей их был город Тебриз⁵. У великого поэта мусульманского Востока того времени, уроженца средневекового Азербайджана Низами из города Гянджи, творившего в основном на языке фарси, а также на тюркском, мать была кыпчачкой и звали ее Аппак или Афак.

В 1222 г. Закавказье подверглось нападению кыпчаков, вытесненных из степей Дешти-Кыпчака монгольскими завоевателями. Кочевники опустошили Ширван и пограничные области Грузии. Вместе с тем, существовали поселения кыпчаков и в Армении, где они жили с местным армянским населением. До нашего времени сохранились армяно-кыпчакские письменные памятники, где тексты написаны по-кыпчакски армянским письмом.

Данные грузинских летописей показывают, что кыпчаки, проникавшие в Грузию в XII–XIII в., сохраняли свою этническую индивидуальность до начала XIV в. После этого кыпчаки больше не упоминаются в грузинских источниках, так как, по-видимому, они этнически смешались с грузинами и другими народами Закавказья. Память о кыпчаках сохранилась в топонимии и в грузинских народных преданиях⁶.

Кыпчаки и «Второй Рим»

Кыпчаки были не первыми тюрками-кочевниками, сыгравшими заметную роль в истории Византии. Начиная с VI в. в Византийской империи появляются немногочисленные тюрки — в торговых колониях, посольствах, отрядах военных наем-

⁵ Д'Оссон. К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Т. I. Иркутск, 1837. С. 187.

⁶ Анчабадзе Г.З. Кыпчаки в Грузии. Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976. С. 13–14.

ников — болгары, сувары. В VII–IX вв. у византийских императоров служили хазары, византийские императоры часто женились на хазарских принцессах, которых обычно сопровождали свиты из Хазарского каганата. В своей «*De ceremoniis aulae byzantinae*» Константин Багрянородный упоминает хазар в составе элиты византийской императорской гвардии в Константинополе. Но к X в. волны тюркских кочевников сотрясают до основания «второй Рим», ставя под вопрос само его существование. Тюркоязычные огузские племена — печенегов, торков-узов, сельджуков с северо-запада и с востока тревожили византийские города. Казалось, из степей Центральной Азии, из коренных огузских степей Приаралья на территории современного Казахстана, протянулись две огромные клешни на севере в лице печенегов и торков, на востоке — сельджуков, которые грозили, сомкнувшись, раздавить Византию.

И новая волна тюркских кочевников, на этот раз кыпчаков или команов, куманов византийские хроник, поднимает эту опасность на более высокую ступень. Кыпчаки показались византийцам ничуть не лучше их тюркских предшественников, византийские авторы не скупались на эпитеты, когда писали о кыпчаках, как о северных варварах. Евстафий Солунский, автор XII в. вставил в свою речь, обращенную к императору Византии Исааку Ангелу, такую характеристику кыпчаков: «Это летучие люди и поэтому их нельзя поймать. Они не имеют ни городов, ни сел, оттого за ними следует зверство. Не таковы даже коршуны, плотоядный род и всем ненавистный, таковы разве грифы, но которых благодетельная природа удалила в места необитаемы. Волчьи обычаи воспитали таких людей: дерзкий и прожорливый волк легко обращается в бегство, когда появится кто-нибудь страшнее. Точно также и этот народ». Но, несмотря на столь нелестную оценку, обратиться за спасением от гибели в лице печенегов византийским императорам пришлось к кыпчакам. Помощь, которую предложили императору Алексею Комнину кыпчакские ханы причерноморских степей, была неожиданной и поначалу, задабривая кыпчакских послов щедрыми подарками, заверил их, что пока нет нужды в помощи,

но как только такая необходимость возникнет, он будет иметь в виду это предложение⁷.

В 1090 г. Византийская империя попала в особенно тяжелое положение. В Малой Азии угрожали сельджуки, на северных границах печенеги. Алексею пришлось все-таки обратиться за помощью к кыпчакам. Он послал посольство в их кочевья, опасаясь, что кыпчаки сговорятся с печенегами против Византии.

Одновременно Алексей обратился к римскому папе и западноевропейскому рыцарству. Он звал их спасти Византию от «неверных и поганых варваров». «Пусть лучше Константинополь достанется вам, чем тюркам и печенегам». Но кыпчакские ханы опередили крестоносцев и первыми появились на Босфоре. Это были герои многих древнерусских летописей — «шелудивый», «поганый», «неверный» Боняк и «свирепый, хищный» Тугорхан, он же Тугарин Змеевич русских былин и сказаний.

Этих ханов, которые не признавали ничего более благородного и приятного, чем суровый кочевой образ жизни, и не стремились постичь тонкий придворный этикет византийского двора, Алексею Комнину пришлось потчевать в своих роскошных покоях, дарить им золото и пурпурные одежды, лстить и угождать им, целовать их в жирные от конского и бараньего мяса губы. С щедростью, свойственной широкой натуре кочевника, предложили они византийцам половину будущей добычи. Алексей отказался от доли в трофеях, но оттягивал развязку, боясь решительного боя с печенегами. Лишь когда кыпчаки заявили: «Знай, что мы не будем ждать более. Завтра с восходом солнца мы будем есть либо волчье мясо, либо баранье», — Алексей решился. Эта изысканная фраза означала, что кыпчаки решили вступить в бой если не с печенегами, то с византийцами.

Фортуна изменила печенегам, бой был выигран кыпчаками и византийцами. Много печенегов попало в плен, и в ночь после боя 20 апреля 1201 г. византийцы устроили резню безоружных

⁷ Федоров-Давыдов Г. Ф. Курганы, идолы, монеты. М., 1968. С. 47–48; Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1989.

пленных, вызвав возмущение своих союзников-кыпчаков. Вскоре кыпчаки вновь пришли на Балканы, но уже как враги Алексея Комнина, поддержав самозванца, некоего Лжедиогена, претендента на византийский трон. Алексей с большим трудом отразил эту новую опасность и отогнал кыпчаков⁸.

Но не все печенеги и кыпчаки ушли, некоторые оставались на византийской службе и после всех этих событий. Немало было на службе византийских императоров и туркмен-сельджуков. Тюркская иммиграция возрастает со второй половины XI в. (засвидетельствовано трое высокопоставленных лиц из их среды при византийском дворе) и становится особо активной при Комнинах. Со времени Алексея I ведут свой род Татикии и Камицы, кроме того на службе у императора было не менее трех полководцев — выходцев из туркмен-сельджуков. Верными слугами и ближайшими императора Алексея I именуются его фавориты, среди которых называют и тюрка Евстафия Камица. По-видимому, и при императоре Иоанне II Евстафий Камиц принадлежал к числу его наиболее приближенных особ и был включен после смерти в поминальный список Пондократорова монастыря. Девять представителей семьи Камицев были носителями высших титулов византийской элиты, они считались представителями военной знати. Социальное лицо Татикиев проступает не более определенно. Основатель семьи — сын невольника, слуга Алексея I, ставший придворным и военачальником. В дальнейшем Татикии встречаются на гражданской службе, например, Константин Татикий, и на военной, Татикии относятся к той части византийской знати иноземного происхождения, представители которой поднялись с низших ступеней социальной лестницы к вершинам власти. К их числу относятся болгары Канчу и Травл, возможно тюркского происхождения.

На царствование Иоанна II падает возвышение выходцев из туркмен-сельджуков Аксухов, и возможно, начало Самухов. Некоторые из Самухов достигли высоких постов в иерархии

⁸ Федоров-Давыдов Г.Ф. Курганы, идолы, монеты. М., 1968. С. 49–52; Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.

византийской православной церкви. При Мануиле I, помимо семьи Просухов, известно не менее 4–5 тюрок военачальников. Интересно отметить, что хотя тюрки в основном были воинами и, казалось бы, далеки от интеллектуального труда, тем не менее, среди них известны поэты. Так, например, Никифору Просуху принадлежат стихи в честь Марии Египетской, но время жизни поэта неизвестно. В конце XII в. засвидетельствовано 3 или 4 тюрок, выходцев из сельджуков, но это либо эпизодические, либо сравнительно мало заметные фигуры. Описывая переселение туркмен-сельджуков под покровительство Византии, панегирист Мануила I Евстафий Солунский отмечает в их среде простой народ и тех, кто выделяется по родовитости и славится мужеством. Мануил I был особенно благосклонен к приближенным, выходцам из других стран, «варварам», говорившим на других языках, в частности, к тюркам, считая чужеземцев самыми преданными слугами.

Влияние выходцев из тюрок усиливали их родственные связи с императорской династией. В византийском общественном сознании с конца XI в. сложилось представление, что родственники императорской семьи составляли особую общественную категорию. В родстве с Комнинами, например, состояли Аксухи, Камицы, Татикии. Камицы сохраняли родство и с влиятельными семьями византийской аристократии и были крупнейшими землевладельцами. Камицы и Аксухи были активными участниками в борьбе за власть при византийском дворе во второй половине XII в. Просухи в конце XII в. активно поддерживали императора Андроника в его претензиях на византийский престол.

Степняки — печенеги, торки, кыпчаки — находились в довольно большом числе на византийской службе в середине XI в. при Алексее I. К их числу можно отнести известного полководца, печенега Кегена. Затем их следы исчезают, и только в конце XII в. мы встречаем в византийских войсках кыпчакского полководца Альпамиша. Две семьи, печенеги или кыпчаки, появившиеся до середины XI в., не пережили царствования Алексея I, Караджи и Алакасеи, и только третья семья Циты (тоже неясно — печенеги или кыпчаки), начинающая свой путь

при этом государе, занимала высокое положение до XIII в. Эта семья представлена полководцем при Алексее I Михаилом Цитом. При Мануиле I и Алексее II один из Цитов был придворным, а в начале XII в. двое Цитов — высокопоставленные чиновники. Большинство тюрков-степняков относилось к военной служилой знати. Византийский источник от 1181 г. упоминает кыпчакского военачальника на византийской службе Масута Арменопола⁹.

Около 10 тысяч кыпчаков переселилось в пределы Византийской империи. Хорошо зная мятежный нрав кочевников и опасаясь их усиления, император отвел им места поселения в различных частях империи. Значительная группа кыпчаков была поселена в Македонии, некоторая часть отправилась в Малую Азию и бассейны рек Меандры и Фракии. В византийских войсках кыпчаки использовались в качестве легкой кавалерии или для гарнизонной службы.

Иноземная знать на византийской службе воспринималась как особая общественная группа. Византийцы часто противопоставляли себя пришлому элементу. Проблема отношения к иностранцам вызывала споры и в XII в. Никита Хониат — видный общественный деятель, возмущался засильем «полуварваров» в империи, а Солунский напротив восхвалял Мануила I за привлечение людей из многих стран на службу Византии. Так, в одном послании Хониат перечисляет в окружении императора Андроника знатных родом, и «верных императору», «вооруженных секирами полуварваров». Иноземная знать составляла важный элемент господствующего класса Византии, около четверти общего числа знатных родов империи — свыше 80 фамилий. Из этих 80 фамилий — восемь были тюркского происхождения, в том числе кыпчакского, печенежского, сельджукского. Еще пять знатных фамилий — Хасаны, Кацамунды, Казаны, Хамтуны, Халуфы могут быть тюркскими или арабскими. Иноземная по происхождению византийская знать разнилась по своим соци-

⁹ Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 148, 163, 165, 201–202, 215, 217, 244, 261–262.

альным функциям. Одни — наемники, чьи обязанности ограничивались известным сроком, а права исчерпывались получением жалованья. Эпизодичность службы типична, прежде всего, для скандинавов и славян, для аланов и выходцев с Кавказа и для многих западноевропейцев.

Другие иноземцы, становясь советниками императоров, командирами императорской гвардии, константинопольскими вельможами, прочнее оседали в Византии, принимали православную христианскую веру, вступали в родственные связи с византийской знатью, в том числе и с царствующим домом, и постепенно становились «своими» в византийской правящей элите. К ним относятся упомянутые выше потомки выходцев из тюркских племен, в том числе и кыпчаков. Но все же, тюркам, как и выходцам из других стран — кавказцам, славянам, арабам, западноевропейцам принадлежала наиболее заметная роль в формировании военной знати Византии, хотя они были представлены и на гражданском поприще, где доминировали собственно представители византийской знати — выходцы из греческих провинций империи. Уже к середине XII в. византийские военачальники — выходцы из тюрков постепенно оттесняют от военного командования латинян-западноевропейцев. Тюрки неплохо служили империи. Отрядами печенегов и кыпчаков время от времени пользовался Алексей I и его преемники, чтобы обуздывать наемников-крестоносцев. В 1205 г. кыпчаки в союзе с Болгарским царством наголову разгромили западноевропейских крестоносцев у Андриополя и взяли в плен их предводителя императора Балдуина, который в 1204 г. захватил и разграбил столицу Византии Константинополь¹⁰. В 1242 г. кыпчаки участвовали в осаде византийцами Фессалоник, где после ее взятия, в 1252 г. византийский император Феодор II

¹⁰ Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958, № 62; *Киракос Гандзакец*. История Армении. М., 1976. С. 139; Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 23; Ахинжанов С.А. Из истории взаимоотношений кыпчаков и Хорезма. Археологические исследования в Казахстане. С. 64–70.

разместил 300 кыпчаков для гарнизонной службы. В 1259 г. 2000 воинов легкой кыпчакской кавалерии сражались за Византию в ее очередной войне, а в 1261 г. 800 кыпчаков в составе войск Алексея Стратегопулоса захватили Константинополь. В 1263–1264, 1270–1272 и 1275 гг. значительные кыпчакские контингенты участвовали в европейских походах императора Михаила VIII. Последнее упоминание в византийских источниках о кыпчаках в Византии относится к 1292 г. в связи с военной кампанией Византии против Эпира, где главной силой в лице 14000 конников были тюрки и кыпчаки. Согласно сербским источникам в 1312 г. две тысячи кыпчаков из Сербии прибыли на византийскую службу. В 1327 г. их направили на острова в Эгейском море. Активное участие приняли кыпчаки в борьбе за византийский трон между императорами Андроником II и его внуком будущим императором Андроником III, когда зять Андроника II сербский король Стефан Урош II (Милутин) послал своему тестю на помощь две тысячи подчиненных ему кыпчакских воинов. Эти кыпчаки остались на византийской службе и не вернулись в Сербию. Хотя из источников неясно, когда эти две тысячи кыпчаков прибыли на византийскую службу, известно, что в 1312 или 1313 г. сербский король Милутин послал на помощь старому Андронику двухтысячный конный отряд. Эти две тысячи кыпчаков находились по командованием сына старого императора Андроника, его соправителя Михаила IX, в Далмации. Позднее эти кыпчаки были поселены на островах Лемнос, Тасос и Лесбос. После смерти императора Михаила IX, правившего совместно с отцом Андроником II, среди основных врагов старого государя находился некий Сергианнес, потомок знатного кыпчакского рода, появление которого зафиксировано в Византии в 1220–1254 гг. В 1315 г. он стал наместником в Македонии, в 1320 во Фракии. В итоге он запутался в придворных интригах, бежал в Сербию и был убит там агентами Византии.

Тюрки-кочевники и Византия большая и интересная тема, и она еще ждет всестороннего исследования, в данном случае лишь предпринята попытка обозначить ее контуры.

Кыпчаки и канглы в улусах киреитов и найманов, в уйгурском Турфанском княжестве, империи Цзинь

Что касается взаимоотношений кыпчаков и канглы со своими восточными соседями — народами Центральной Азии и Дальнего Востока, то сведения об этом в основном содержатся в китайских источниках. «Юань-ши», например, свидетельствует о наличии политических и территориальных связей канглы с одним из наиболее крупных государственных образований Центральной Азии того времени — улусом киреитов, занимавшим земли в долине реки Толы, в районе среднего течения реки Орхон и бассейна реки Онгин в Северной Монголии, о службе представителей знати канглы у правителя киреитов Тоорила Ван-хана: «Бухуму... Его предки из поколения в поколение были знатными людьми племени канглы. Хайланьбо (Кайранбай — дед Бухуму) служил у киреитского Ван-хана. Когда Ван-хан был уничтожен (монголами), то Хайланьбо (Кайранбай) бросил семью и, в сопровождении нескольких тысяч всадников, умчался в северо-западном направлении. Тайцзу (Чингиз-хан) направил посла и призвал его прибыть к нему (т.е. покориться). Ответ следовал такой: “В прошлом у Ван-хана служили я и император (Чингиз-хан). Сейчас Ван-хан умер, я не могу изменить тому, кому служил”. И после этого скрылся в неизвестном направлении. Все его десять сыновей были взяты в плен (Чингиз-ханом). Самым младшим в возрасте шести лет был Яньчжэнь (Алчин). Император (Чингиз-хан) отдал его императрице Чжуаншэн (императрица Чжуаншэн, жена сына Чингиз-хана — Толуя, мать великих ханов Мункэ и Хубилая, была киреиткой по происхождению). Императрица пожалела его и воспитала, а затем направила его служить к своему сыну Шицзу (Хубилаю). Когда он вырос, сопровождал его (Хубилая) в походах. Имел заслуги»¹¹.

Наличие тесных связей между канглы и киреитами подтверждается и данными ряда других китайских источников,

¹¹ «Юань-ши» («История династии Юань») — в серии Соинь-бона-бэнь, 24 династийные истории, Пекин–Шанхай, 1958. Цз. 130. С. /1502/27454.

в которых имеется и более определенная традиция, сходная с традицией сообщаемой Рашид-ад-Дином и указывающая на генетические связи между этими народностями. В подтверждение этого сообщается, что семейство канглы Бухуму происходит от киреитов¹². А в сведениях другого китайского источника «Мэ-нуэр-шицзи» еще более определенный текст: «Киреиты были предками канглы. Западные племена именовались канглы, восточные киреитами»¹³. С киреитами были связаны и аргыны, о чем свидетельствует биография киреита Хасанна в «Юань-ши», который многие годы возглавлял отряд аргынов в составе армии монголов. Таким образом, можно предположить бытование стойкой генеалогической традиции у кочевников Центральной Азии, причисляющей киреитов к тюркскому кругу племен.

Как отмечает В.В. Бартольд, кыпчаки и канглы жили во владениях другого крупного государственного образования центральноазиатских кочевников — улуса найманов¹⁴. Рашид-ад-Дин пишет: «Эти племена найманов были кочевыми, некоторые обитали в сильно гористых местах, а некоторые в равнинах. Места, на которых они сидели... Большой Алтай... горы: Элуй-Сирас и Кок-Ирдыш (Синий Иртыш) — в этих пределах обитало также племя канглы, — Иртыш-мурэн, который есть река Иртыш...»¹⁵. Согласно сведениям Махмуда Кашгарского, «в междуречье Иртыша и Оби жили и кыпчакские племена каи или уран, к которым относились некоторые известные кыпчакские ханы»¹⁶.

«Юань-ши» приводит данные, свидетельствующие о тесных родственных связях между знатью канглы и найманов. Так в биографии наймана Чаоса (Шаосы) записано: «Шаос из найманов. Его прадед Тайянь (Даян) был правителем найманского племени.

¹² ?gel B. Sino-Turcica, Taipei, 1964. P. 86.

¹³ Ту Цзи. Мэнуэр-шицзи (Исторические записки о монголах), (б.м.), 1934. Цз. 20. С. 1а.

¹⁴ Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. С. 6.

¹⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. С. 136–137.

¹⁶ Кашгарский М. Девону лугат ат-турк. Т. I, Тошкент, 1960–1963, М., 1969. С. 6.

Его дед Цюйшулай (Кучлук)... Тайцзу (Чингиз-хан) разгромил племя (Кучлука)... Последний бежал к кара-китаем, оставив своего сына... Бэдэинь (Беде) — сын Шаосы (Чаоса). В то время, когда Шаосы умиротворял Цзинь, Бэдэинь жил с бабушкой по матери, которая была родом из племени канглы...»¹⁷. К этому можно добавить, что ранее во второй половине XII в. на родство найманов с канглы указывали также уйгурские путешественники. Рассказывая о виденном и услышанном по пути следования, они сообщили, что на Алтае обитают племена Нянь-ба-энь (найманов) и кангли (канглы)¹⁸.

Таким образом, источники свидетельствуют, что в предмонгольское время в XI–XII вв. в улусах найманов и киреитов часть населения составляли тюркоязычные кыпчаки и канглы. Следовательно, разнообразное тюркоязычное население, этническое происхождение которого не вызывает споров и не является предметом дискуссии, продолжало обитать в Монголии и после крушений Тюркских и Уйгурского каганатов, как и доказывалось в ряде исследований ранее. Факты, отмеченные в «Юань-ши», еще раз подтверждают, что упрощенно-прямолинейная схема, до сих пор бытующая в некоторых работах, где утверждается, что после падений Уйгурского каганата все тюрки ушли из Монголии и в X–XII вв. ее опустевшие степи заняли монголы, может быть поставлена под сомнение. Она покоится на переходящей ошибке, которая состоит в том, что утрата правящей элиты своих доминирующих позиций отождествляется с гибелью этноса. Реальная же ситуация в степях Центральной Азии была намного сложнее и многообразней.

Кыпчаки и канглы поддерживали отношения с улусом монголоязычных меркитов, кочевья которых располагались к северу от улуса киреитов на реке Селенге. Рашид-ад-Дин указывал, что правитель меркитов по имени Куду был убит в то время, когда покинул сражение с монголами и направился к кыпчакам. Много раз меркиты сражались с Чингиз-ханом¹⁹. Другой персидский

¹⁷ «Юань-ши». Цз. 121. С. /1433/27375.

¹⁸ «Цзинь-ши». Цз. 121.

¹⁹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. С. 124.

историк Джувейни также свидетельствует о том, что в 1218 г. в стране кыпчаков и канглы появились изгнанные Чингиз-ханом из Монголии меркиты, которых преследовали монгольские войска. Перед этим меркиты в своем движении на запад, вынуждены были идти через земли уйгуров, уже ставших союзниками монголов и напавшими на меркитов²⁰. Сведения «Юань-ши», содержащиеся в биографии кыпчака Тутуха, подтверждают и дополняют сказанное Рашид-ад-Дином и Джувейни: «...Тайцзу (Чингиз-хан) совершил поход на меркитов. Их правитель Ходу (Куду) бежал к кыпчакам. Инассу (правитель кыпчаков) принял его. Тайцзу (Чингиз-хан) направил посла сказать: “Ты зачем спрятал изюбра, в которого я хотел пустить стрелу? Немедленно верни его. Не согласишься — принесешь себе беду”. Инассу ответил: “Для воробья, бегущего от ястреба, даже заросли сомкнутся, чтобы он мог остаться в живых. Неужели я хуже травы и деревьев?” Тайцзу (Чингиз-хан) тогда приказал пойти походом и покарать его. Инассу уже состарился. В государстве (кыпчаков) не было единства. Сын Инассу по имени Хулусумань послал посла с изъявлением покорности Тайцзу. Но Сяньцзун (Мункэ-хан) получил приказ двинуть войска и уже стучался в их (кыпчаков) границы...»²¹. Другое сообщение «Юань-ши», которое приводится в биографии монгольского полководца Субудая, связывает преследование меркитов с его именем, а не с Мунхэ-ханом: «...Сразившись с меркитами (Субудай) разбил их в одном бою и пленил двух предводителей... Их (меркитов) правитель Ходу бежал к кыпчакам, Субудай преследовал его. Сразившись с кыпчаками, разбил их...»²². Наконец, аналогичные известия содержатся в монгольском источнике «Юань-чао-би-ши» («Тайная история монголов»): «Кучлук-хан, потеряв свой улус, решил присоединиться к меркитскому Тохтоа... Подойдя к ним, Чингиз-хан завязал бой... Найманы и меркиты обратились

²⁰ *Bretschneider E. Mediaeval researches from Asiatic sources. London, 1910. Vol. 2. P. 73.*

²¹ «Юань-ши». Цз. 128. С. /1486/27438.

²² «Юань-ши». Цз. 121. С. /1413/27365–/1414/27366.

в бегство. При переправе через Эрдыш (Иртыш) они потеряли утонувшими в реке большую часть людей. Закончив переправу... найманы и меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее, разными дорогами...». Хотя вышеизложенные сведения разных историков сходятся не во всех деталях, в главном, а именно в бегстве меркитов к кыпчакам и канглы они совпадают. «Меркитские Тохтаевы сыновья, как и все прочие меркиты взяли направление в сторону канлинцев...»²³. Факт бегства меркитов к кыпчакам и канглы также является одним из свидетельств связей кыпчакских племен с народами, обитавшими восточнее их. Подтверждением монголо-кыпчакских связей, а также предположения о том, что кыпчаки жили среди монголов, являются данные в биографии Есенху-ду, о котором «Юань-ши» упоминает как о выходе «из монгольского кыпчакского рода»²⁴. Первое же реальное письменное свидетельство о канглы появляется между 1161 и 1190 гг. в связи с описанием путешествия уйгурских купцов из Гуз-ордо (на реке Чу) в ставку императора чжурчженей.

Канглы также поддерживали отношения и с империей чжурчженей Цзинь, занимавшей территорию современной Маньчжурии и Внутренней Монголии, а также Северного Китая. В китайских источниках, например, канглы под названием кан-ли также упоминаются в XII в. (1161–1189 гг.) в связи с посольством канглы и найманов ко двору Цзиньского императора²⁵.

Кыпчаки и канглы в Хорезме

Кыпчакские династии стояли во главе государств в Средней Азии. Особенно была заметна их роль в Хорезме. Государство хорезмшахов объединяло большую часть Средней Азии, весь нынешний Афганистан, Иран (кроме Хузистана), часть Южного

²³ Козин С. Сокровенное сказание. М.; Л., 1951. С. 210.

²⁴ «Юань-ши». Цз. 121. С. /2159/28111.

²⁵ «Цзинь-ши» («История династии Цзинь») — в серии Соинь-бо-на-бэнь, 24 династийные истории, Пекин–Шанхай, 1958. Цз. 121. С. 1100. Цз. 130. С. /1502/27454.

Казахстана. Оно простиралось от Аральского моря и низовьев Сырдарьи на севере до Персидского залива на юге, и от Памира и Сулеймановых гор на востоке до гор Загроса на западе. Это был конгломерат стран и народов, объединенных завоеванием вокруг Хорезма — очень богатой области старинной земледельческой ирригационной культуры. Экономическое (с X в.) и политическое (с XII в.) значение Хорезма сильно выросло благодаря тому, что столица его Гургендж (Ургенч) стала узлом караванных путей, соединявших Иран и Среднюю Азию со странами Восточной Европы, со степными тюркскими племенами современного Казахстана — восточным Дешти-Кыпчаком и с Китаем (через Монголию и Восточный Туркестан), он стал складочным местом и биржей транзитной караванной торговли. Но, вместе с тем, государство хорезмшахов как великая держава было образованием недолгим: Хорасан был завоеван в 80-х годах XII в., Западный Иран в 1194 г., Заамударье (Мавераннахр) в 1210 г., Афганистан в 1210 г. Этнический состав населения был пестрым, охватывая много разных народов и племен, оседлых и кочевых, преимущественно иранских и тюркских. Вражда между оседлыми иранцами и кочевыми тюрками временами принимала острые формы. Насилия и ограбления податного сословия — оседлых земледельцев и горожан, представителей иранских народов со стороны хорезмской, военной знати, состоявшей из предводителей тюркских кочевых племен — кыпчаков и канглы, а также огузов — туркмен, высокие налоги, введенные хорезмшахами, произвол их сборщиков податей, были обычным делом.

Мать хорезмшаха Теркен-хатун, происходившая из кыпчаков или канглы, и оспаривавшая влияние на дела государства у своего венценосного сына, покровительствовала тюркской военной знати. О них говорит Джувейни: «Сострадание и милосердие было далеко от их сердец, где бы им ни случалось проходить, та область оказывалась разоренной, и райаты (оседлое податное сельское население) искали убежища в крепостях».

Державу хорезмшахов сильно ослабляли и противоречия в среде смешанного в этническом отношении господствующего

класса, в котором доминировали выходцы из тюрок-кочевников²⁶. Что касается происхождения и этнической принадлежности хорезмшахов, то об этом в источниках данные противоречивы. Джузджани пишет, что основатель последней династии «Малик Кутб-ад-Дин Мухаммед Айбек Тюрк двинулся со своими племенами и родственниками в сторону Дженда и Хорезма со стороны степи, где обитали кыпчаки и канглы...» В другом месте он еще более определенно указывает, что сын основателя этой династии хорезмшахов «Тадж-ад-Дин Мухаммад имел брата, который был моложе его, на него он возложил правление над племенем канглы и кыпчаков, от которых произошел их собственный род». Тем не менее, необходимы дополнительные данные, свидетельствующие о кыпчакском происхождении династии шахов Хорезма. Как бы то ни было, по мнению В. В. Бартольда «в последние годы XI века здесь (в Хорезме) утвердилось наследственная династия хорезмшахов, представители которой носили почти все турецкие (тюркские) имена». Находясь в непосредственной близости от Дешти-Кыпчака, государство хорезмшахов втягивало его обитателей — кыпчаков в орбиту своих внешнеполитических и внутривосточных связей настолько сильно, что, вполне вероятно, из кыпчакских предводителей и вышла эта последняя, самая знаменитая династия хорезмшахов.

Но, став владетелями Хорезма, выходцы из Дешти-Кыпчака — хорезмшахи начали борьбу со своими кочевыми соплеменниками, используя в то же время силы и самих кыпчаков. Для этой цели они действовали разными путями и средствами. Одних привлекали на свою сторону мирным путем, предоставляя им пастбища, распространяя среди них ислам, используя старые и вводя новые связи с кочевой знатью Дешти-Кыпчака, привлекая его на хорезмскую службу и раздавая государственные и военные посты. Других же кыпчаков, сохранивших независимость и боровшихся против них, хорезмшахи старались подчинить силой, организуя военные походы в Дешти-Кыпчак.

²⁶ Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия. В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 101–103.

Если первый представитель кыпчакской династии хорезмшахов Кутб-ад-Дин Мухаммад находился в положении обороняющегося, то его сын и преемник на троне Атсыз переходит в наступление на степь. Атсыз, по мнению В. В. Бартольда «был истинным основателем могущества династии хорезмшахов», хотя номинально он оставался вассалом султана Санджара — правителя державы Сельджукидов. В 1133 и 1152 гг. совершил успешные походы к северу от Аральского моря и подчинил обширную территорию, населенную кыпчаками на землях современного Казахстана. Наследник Атсыза, его сын хорезмшах Иль-Арслан (1156–1172 гг.) вел более сдержанную политику в отношении Дешти-Кыпчака, предпочитая действовать дипломатическими средствами. Согласно Джузджани Иль-Арслан заключил «союз с ханом кыпчаков», чтобы «охранять границы своего государства всеми силами, на что он был способен». Наиболее успешную политику по отношению к кыпчакам проводили последние представители державы хорезмшахов — Текеш и его сын Мухаммад. Именно в их правление Хорезм достиг наивысшего могущества в своей истории. Текеш нашел нужным вступить в родство с предводителями кыпчакской степи и тем самым заключить союз с кыпчаками. Известно, что согласно установившимся традициям, правители Хорезма брали жен из ханских родов Дешти-Кыпчака. А начало этой традиции, видимо, было положено Текешем, который вошел в союз с ханом кыпчаков по имени Икран (или Акран) и женился на дочери этого правителя, «т.е. на женщине по имени Теркен-хатун, матери будущего хорезмшаха Мухаммада. Упомянутая была из племени баят (байяут), а это одно из ветвей племени емек (йемек). Когда возвысилось его дело, она получила лакаб (титул)... “властительница мира”. Она была дочерью хана... одного из тюркских государей. Таким (Текеш) — сын Иль-Арслана, женился на ней, как женятся государи на дочерях государей...» — свидетельствует летописец этого времени Ан-Насави. На женщине из племени, к которому принадлежала Теркен-хатун, был женат сын Мухаммада последний шах Хорезма Джалал-ад-Дин. На дочери крупного предводителя племени канглы был женат сын Джалал-ад-Дина.

Текеш и Мухаммад пытались проводить политику централизации, направленную на подавление сепаратистских тенденций хорезмской знати, опираясь на гвардию, сформированную из кыпчаков, огузов-туркмен, предводители которых были наделены за службу военными ленами (икта). Но тюркская знать, столь влиятельная при дворе хорезмшахов, раскололась на два противоборствующих лагеря — сторонников самого хорезмшаха Мухаммада, главной опорой которого были туркменские племена, и приверженцев враждовавшей с ним его матери Теркен-хатун, уделом ее был Хорезм, а опорой кыпчаки и канглы. Теркен-хатун была больше, чем соправительницей Хорезма. Как сообщает Ан-Насаби: «Когда власть перешла султану Мухаммаду по наследству от его отца Такиша (Текеша), к нему примкнули племена еще и соседние с ними (кыпчаки и канглы). Благодаря им умножились силы (султана), а он возвысил их положение. По этой причине Теркен-хатун и хозяйничала в государстве, и как только султан захватывал какую-либо страну, обязательно выделял там для ее приближенных (кыпчаков) важную область»²⁷. Как видно из слов современника этой эпохи влияние Теркен-хатун было обусловлено поддержкой ее соплеменников — кыпчаков. У нее был собственный аппарат управления, мощная поддержка кыпчакской гвардии хорезмшахов, предводители кыпчаков в первую очередь подчинялись ей, а не хорезмшаху. Теркен-хатун была мстительна и ревнива. Джузджани рассказывает, как Теркен-хатун пришла в ярость из-за того, что ее муж султан Текеш проводил время в бассейне, купаясь с невольницами, и однажды заперла дверь бассейна. Текеш едва не задохнулся от жары и только придворные спасли его от гибели.

Пользуясь поддержкой своих могущественных сородичей, Теркен-хатун создала сильную оппозицию центральной власти в лице хорезмшаха Мухаммада. Персидские историки XIII века сообщают о ее зловещей роли в интригах при хорезмском дворе.

²⁷ *Шихаб-ад-Дин Мухаммад ан-Насаби. Жизнеописание султана Джалал-ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973. С. 87; Буниятов З.М. Государство хорезмшахов Ануштегинидов. 1097–1231. М., 1986.*

Особенно резкой стала конфронтация Мухаммада с матерью на-кануне нашествия Чингиз-хана. Вследствие интриг Теркен-хатун и ее окружения Мухаммад вынужден был сменить наследника трона, лишив права на наследование своего сына Джалал-ад-Дина. Очевидно, в пику своему венценосному сыну Теркен-хатун настояла на назначении своего соплеменника кыпчака Иналчика Гайир-хана губернатором важнейшей крепости, города Отрара, где он в 1218 г. истребил караван купцов, прибывших от Чингиз-хана, что явилось поводом к монгольскому вторжению.

Таким образом, данные источников свидетельствуют о том, что тюркские кочевники Дешт-и-Кыпчака — кыпчаки и канглы поддерживали в эпоху, предшествовавшую монгольскому завоеванию, активные политические, экономические и культурные связи с народами Малой Азии и Кавказа, со своими восточными соседями — народами Центральной Азии и Дальнего Востока, а также являлись заметным внутривосточным фактором в Грузии, Византии, Хорезме.

Sh. Kadyrbaev

Turkics of Desht-i-Qipshaq and their relations with neighbouring peoples before Mongolian invasion.

Summary. The historical role of Turkic Qipchaqs was determined in XI–XIII centuries. The geography of their ties very vast. The Qipchaq's dynasties in various regions of the Central Asia, for example, in the state of Khwarezm-shahs were ruling. The Qipchaqs were very important internal and external factors in the policy of such states as Georgia, Byzantine, Balkan Bulgaria, Hungary, Russia and Seldjook sultanat. The Chinese sources had evidenced that there were close relations between Qipchaqs, peoples and civilizations of Inner Asia and Far East.